

ЛАНА ЕЖОВА

ГОРИ,
ЛЮБИМАЯ,
ГОРИ!

Лана Ежова

Гори, любимая, гори!

«Лана Ежова»

2019

Ежова Л.

Гори, любимая, гори! / Л. Ежова — «Лана Ежова», 2019

В стране, где власть сосредоточена в руках религиозных фанатиков, чародеи живут в страхе. Ведь любой из них, если всецело не покорится власти Всеотца и его "волчьего" ордена, может быть объявлен отступником и безжалостно уничтожен. Иве не повезло родиться целительницей, но посчастливилось встретить любимого, который ради ее счастья готов... нет, не умереть. Он готов убить всех ее обидчиков, а также разметать всю нечисть на пути к спасению. Но получится ли у него ради возлюбленной смирить монстра в собственной душе?... Это история о любви, преодолевающей время и чужую злобу. О любви, ведущей к победе – над врагами и самим собой. Это сказка для взрослых о чувстве, пронесенном сквозь годы, о сжигающей страсти на века.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лана Ежова

Гори, любимая, гори!

Глава 1

Ведьма

Взгляд магистра Ордена волков Всеотца медленно раздевает. А, может, для его льди-сто-синих глаз вообще не существует жалкой преграды в виде моей рубахи, натянутой на голое тело... Ежась, с трудом сдерживаюсь, чтобы испуганно не втянуть голову в плечи.

– Безмужняя, не состоящая в гильдии целителей Иванна Цветова, двадцать три года. – Нехорошо усмехнувшись, он с намеком добавляет: – Целительница, которая живет возле очага мертвоземья.

Как можно спокойней, пожимаю плечами. Жест выходит неловкий – руки все еще стянуты веревкой. Храмовники от сожжения на костре спасли, но развязать забыли. А еще запамтовали дать хоть какую-то теплую одежду – начало лета, но по вечерам все еще холодно.

– Я здесь родилась, ваше святейшество. Где же мне еще жить?

– Ты – целительница, – напирает на очевидное чародей высшего ранга, – для тебя открыто много путей, но ты осталась здесь.

Что сказать? Тут находится то, что держит меня сильнее любых оков? Нет, лучше и не заикаться об этой причине.

И я называю самую безобидную:

– Люди болеют всюду, ваше святейшество, а возле мертвоземья чаще в несколько раз.

– Золота хочешь больше получить? – предсказуемо делает неверный вывод синеглазый брюнет и приступает к проверке – простирает длань над моей головой.

Мгновения сдаются годами, поэтому успеваю вспомнить о зрителях, затаивших дыхание, как и я. Только большинство из них надеется, что проверку я не пройду и возвращусь обратно на потушенный заклинанием магистра костер. Потушенный в последнюю минуту – я успела почувствовать не только жар, а и первые укусы подобравшегося близко огня.

Меня вновь бьет озноб. О милосердное небо! Я только что была в шаге от смерти, от ужасной, мучительной смерти! И только неожиданный приезд Марка Сирского, самого красивого и жестокого магистра Ордена, спас от ужасной участи.

Но вот воин Всеотца демонстрирует толпе свой браслет – крупный камень в нем сияет зеленой. Ее насыщенный цвет разбавляет темная точка.

– Душа женщины запятнана, но печати зла на ней нет! – громко возвещает магистр.

Удивленные возгласы раздаются вперемешку со сдавленными проклятиями. Если ведьму признают невиновной, тот, кто развел для нее костер, может взойти на него сам. Таков давний закон.

С трудом справляюсь с эмоциями, страх все еще сильнее радости. До конца не могу поверить, что "волк" ограничится проверкой одним артефактом. Ведь Марка Сирского в народе прозывают Гланисом в честь хищной рыбы, которая никогда не остается без добычи, не просто так, а за его громкие дела. Он умен, въедлив, но скор на расправу и часто приводит приговор в исполнение только на основании поведения подозреваемого. Шепчутся, что его любимая присказка "Чистому пред ликом Всеотца нечего бояться" стубила не один десяток невинных.

– Я жду, целительница. Так чем ты замарала свою душу?

Смирненно отвечаю, подбирая слова с осторожностью:

– Серая марь, ваше святейшество... в наших краях свирепствовала серая марь. Обратились ко мне поздно, поэтому просили о последнем милосердии.

Чародей кивает, зная, что болезнь не поддается лечению с момента, когда кожа человека посереет, что происходит спустя день после заражения. Дальше целитель может лишь облегчить муки обреченного, прервав его агонию.

Измазанная нательная рубаша, как и распушенные, воняющие дымом волосы, не защищают от порывов ветра, и я чувствую, что еще немного – и начну громко стучать зубами.

Пока Сирский отвлекается на подошедшего к нему собрата по мечу, кто-то бросает в меня протухшее яйцо.

– Сжечь ведьму!

Смельчак не промахивается. Смердящая масса растекается по бедру, капает на босые ступни.

Мне и горько и смешно одновременно. Швырнули, не боясь попасть в служителя Всеотца, это как же нужно меня ненавидеть?!

А, главное, за что?..

До нынешнего утра ни за что не поверила бы, что на мою защиту никто не встанет, никто не возмутится произволом молодой баронессы. Не скажет, что она клеветает на невинную. И в кошмаре не приснилось бы, что меня вытащат за волосы прямо из кровати, не позволив одеться в платье или хотя бы набросить плащ.

Нет. Даже сейчас не верю, что меня считают ведьмой люди, чьих сыновей и дочерей я лечила шесть лет. Шесть лет я исцеляла их детей, их самих, не требуя, как медикусы, платы сверх той, что давали. И теперь я – ведьма?! Я брала на себя боль их умирающих, чтобы облегчить душам переход в Сады Всеотца. Они же отправили меня на костер, смерть на котором мучительно-нетороплива.

А ведь даже "волки" не сжигают еретиков, предавших заветы Всеотца, вот уже полвека... Они милосердно их вешают.

– Ведьма! Убийца! – вопит Стелла Хадису, взбудораженная видом растекшегося яйца по моей ноге. – Ты убила моего мужа!

Служанки слаженно подвывают своей благородной госпоже:

– Ведьма! Сжечь ведьму!

Я почти не смотрю на заламывающую руки женщину в сером платье, сейчас для меня существует только Марк Сирский, в его власти моя судьба.

– Ты отравила эрда Томаса Хадиса, как утверждает его вдова? – Храмовник прям, как его меч, и так же жесток.

– Да поразит меня гнев Всеотца, если вру! – в клятве ссылаюсь на того, в кого давно не верю. – Я не убивала владетеля Заречного края.

– Ложь! Ты убила его, тварь!

Стелла бросается ко мне в надежде впиться ногтями в лицо. Но мускулистые "волки" – непреодолимая преграда. И вскоре один из замковых медикусов ее оттаскивает. Молодая женщина непритворно рыдает.

Жаль, оплакивает она не почившего супруга, а саму себя.

Гланис обводит свиту вдовы презрительным взглядом.

– Мне не нравится то, что я здесь вижу. И я разберусь, по глупости или злему умыслу творится беззаконие. – И криво усмехается. – И кто на самом деле отравил барона.

Затем он отдает приказ: заходящуюся в плаче баронессу отправить в ее покои, обвиняемую, то есть меня, запереть в комнате для гостей.

Удивительно, что отсылают не в подземелье замка. Ох, слишком добр магистр к несостоявшейся жертве, подозрительно добр! Как бы после его помощи не довелось лить кровавые слезы...

Конвоируют не воины из дружины Хадиусов, а стражи Всеотца. В кожаных доспехах, в черных плащах с вышитой серебром волчьей мордой на спинах. Все как на подбор высокие, мускулистые и статные, с блеском стали в глазах – истинные "волки", поставленные Всеотцом защищать его детей от отступников и порождений Проклятого...

Уходим с площади в молчании. Толпа, уступая дорогу, рассыпается по улице испуганными группками. Бледные лица людей выражают недовольство – их лишили зрелища. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закричать: к кому вы побежите со своими болячками, когда меня не станет? К жадным медикусам баронессы?!

До замка не меньше часа пешком. Основатель рода Хадиус любил уединение и не желал, чтобы городок разросся вокруг его замка. И до резиденции владельцев Заречного края приходится добираться по витиеватой, крутой дороге, ведущей мимо одного из поселков и вдоль реки.

С каждым шагом израненным ногам ступать все тяжелей. Воину на буланом жеребце доводится все чаще дергать за веревку, чтобы я не замедлялась.

Когда от боли темнеет в глазах, сзади раздается окрик:

– Стой, Бьорн! Пусть Грокх посадит ведьму на твоего коня, иначе подохнет по дороге.

– Заботишься о ведьмочке, Паук? Ну и ну! – гогочет "волк", но выполняет требование.

Второй храмовник, упомянутый Грокх, не церемонясь, забрасывает меня, как куль с зерном, на круп буланого. Дурнота отступает, и вскоре я вижу обогнавшего нас неожиданного защитника.

Красный плащ среди черных, как расцветшие на пожарище маки. Капюшон одеяния откинут и не скрывает магический ошейник на шее коротко стриженного блондина. Спаси и сохрани, пресветлое небо! За меня вступился сам пожиратель магии! "Побеспокоился" тот, кто поглотит мой дар, если Марк Сирский все же признает виновной...

Говорят, пожиратели вечно голодны и полного насыщения им не испытать до самой смерти. И лишь бессмертная посланница Всеотца дарит покой.

Еще слышала, что они редко доживают до тридцати лет: сойдя с ума, бросаются на своих же товарищей – и тогда черные ошейники душат их, одновременно выпуская в шею шипы.

И уж совсем страшная ходит молва, что когда у ордена заканчиваются маги-отступники, пожирателю скормливают младенцев, чистые души коих он выпивает вместо дара...

Не зная, лживы, правдивы ли слухи, я все же не могу отвести глаз от фигуры в красном. Мне необходимо увидеть лицо пожирателя. Навязчивое желание исполняется, когда въезжаем во двор замка. Въезжаем без помех и лишних расспросов стражников у ворот – благоговение и страх перед Орденом волков Всеотца открывают любые двери.

Блондин спешивается и, наконец, поворачивается к нам лицом, надо сказать, недовольным и хмурым. Присматриваюсь – и мое сердце замирает в груди, чтобы затем забиться, как попавшая в силки птица.

Лицо привлекательно, несмотря на угрюмое выражение и стиснутые до узких ниточек губы. Высокий лоб, четко очерченные скулы, волевой подбородок. Морщинка вертикально пересекает переносицу над крупным, ровным носом. Под густыми бровями серые, как подтаявший лед на реке, колючие глаза.

Внимание выхватывает отдельные черты, не давая возможности сосредоточиться на всей картинке. Наверное, потому, что слишком отличается то, что вижу сейчас, от того, что запомнилось?

Неужели это?.. Нет, не он! Не может быть! Сходство есть, но не он...

Сердце кричит, что передо мной Витар, а разум не желает верить. Сколько раз я уже обманывалась? Сколько раз болела душа, когда понимала, что приняла желаемое за действительность? Когда надежда умирает медленно, день за днем, год за годом, это больно. Больней в стократ, чем когда сразу понимаешь, что былого не вернуть.

Нет, не он. У Витара глаза голубые, а волосы русые. Странно, что я обозналась...

Мазнув по мне равнодушным взглядом, пожиратель недовольно интересуется:

– Бьорн, чего встал? Проводи девку, куда велено. Скоро подъедет его святейшество с благородной госпожой.

И скрывается в конюшне.

Нет, точно не Витар... просто удивительно похож. Мой жених никогда не был угодливым перед аристократами.

Ошиблась... Всего лишь обман зрения! Давно со мной не случилось подобное.

Помню, в первый год после Дня Выбора, приезжая в столицу за травами, не растущими в наших краях, я бродила по городу в надежде встретить жениха. Его мягкий смех, светлая улыбка, голубые глаза – Вит мерещился всюду. Не только в пожирателях – в любом воине в черном плаще с вышитой серыми нитями мордой волка на спине. Наставнику приходилось зорко следить, чтобы я не попала в беду со своими нескромными разглядываниями храмовников. В то время я была, как одержимая. И верила в чудо. Верила, что или встречу Витара, или он сам вернется в родные места, поэтому-то и не переезжала в город, оставаясь в поселке. И уж тем более не собиралась переселяться в столицу, поближе к гильдии целителей.

К приезду Сирского, баронессы и ее свиты мы с воинами все еще находимся во дворе. Кастелян и прочие слуги куда-то подевались, и растерявшиеся "волки" не знают, что делать дальше. С прибытием хозяйки объявляются конюх с помощниками и служанки. И сразу начинается суета.

Не проходит и часа, как я стою у бочки, заполненной горячей водой. Стою в растерянности.

– Нож мне дадут? – интересуюсь, совладав с эмоциями. – Или веревку я должна перегрызть зубами?

Слуги организовали все для омовения "грязной ведьмы", но не сообщили, как я должна забраться в воду со связанными руками. А помогать той, которую хотели сжечь по подозрению в темных чарах, никто не станет.

– Простите, госпожа целительница, – виновато шепчет перед уходом Ники, одна из горничных, – нам не велено снимать с вас магические путы.

Вот что странно, когда я обрабатывала на ее теле раны, оставленные хлыстом барона, девушка смело смотрела мне в глаза. Сейчас же она отводит взгляд да еще, когда думает, что не вижу, переплетает пальцы в отводящем зло знаке. Сложно не обидеться...

Обхожу спальню – ни одного предмета с острыми краями. Разве что разбить зеркало, висящее на стене? Нет, за учиненный погром Стелла меня точно убьет.

Неужели и вправду придется развязывать зубами? Сделаю только хуже – веревка пропитана соком багровой полыни, природного блокиратора магии, а ею меня уже и так напоили, прежде чем отправить на костер. Хотя, если веревку сначала помыть, то можно и зубами.

Теплая вода искушает, манит...

И, рассудив, что пока с пут вымоется пропитка, моя купель остынет, я забираюсь в бочку, не снимая рубашку. Повезло, что руки связаны спереди, в противном случае я бы скорее утопилась, а не помылась.

Мылом и травяными отварами не воспользоваться – далеко стоят, из бочки не дотянуться. Ну, и ладно. Руки все равно связаны.

Когда от воды начинает щипать ссадины и ожоги, приходит полное осознание, чего я сегодня избежала. Невзирая на горячую воду, тело бьет озноб.

Последний раз я плакала, когда провожала заболевших серой марью учителя и приемную мать в Сады Всеотца. Нет, вру. Еще я рыдала через несколько недель после их смерти, когда осознала, как сложно женщине, даже целительнице, когда рядом не стоит мужчина, готовый закрыть ее своей спиной. Чудом вырвавшись из рук подвыпивших молодых дворянчиков,

поняла, что привлекательной девушке ездить в столицу одной чреватой нехорошими приключениями.

С тех пор много времени утекло. Витара я больше не искала, простаивая часами под стенами школы Ордена волков Всеотца. За травмами не ездила – покупала втридорога у медиков барона.

Но теперь – клянусь небом! – если магистр снимет с меня подозрения в отступничестве, покину Заречный край, поселюсь в столице и вступлю в гильдию целителей. Если бы в ней состояла сейчас, то на костер бы не попала – за своих маги-врачеватели стоят горой, давая нешуточную защиту перед любителями возвести напраслину. Баронесса дважды подумала бы, прежде чем с ними связываться, а заодно и со мной...

Скрипит не смазанными петлями дверь. Испуганно оглядываюсь – Марк Сирский входит в комнату без приглашения, как в собственные апартаменты.

Дыхание сбивается. Я отчаянно пытаюсь подавить панику.

Магистр явился помыться мне спинку? Уж больно характерным был его взгляд при допросе.

Внутри поднимается волна протеста. Не хочу! Я даже покойному барону не уступила, осаждающему меня не один месяц. Не хочу подчиняться чужим желаниям...

– Как водичка? Что-нибудь еще нужно госпоже целительнице? – с подчеркнутой вежливостью спрашивает "волк", а взгляд направлен отнюдь не на мое лицо.

Хорошо, что в комнате довольно темно – сквозь узкие окошки проникает не так много лучей заходящего солнца.

– Нужно, ваше святейшество. – Вытаскиваю из воды связанные руки.

Не скрывая удовольствия, он без спешки перерезает веревку. И, не пряча охотничий нож, любезно интересуется:

– Есть еще пожелания?

– Благодарю, ваше святейшество, нет.

По тонким губам чародея змеится улыбка.

– Отчего же? Негоже совершать омовение в грязной одежде. Как целительница, ты должна это понимать.

И кончик ножа зацепляет кромку выреза рубашки. Мокрая ткань липнет к телу и не спешит разрезаться. Но храмовник настойчив в своем стремлении "соблюсти" правила гигиены – и, убрав нож, рвет ее руками. Мозолистые пальцы зацепляют, царапая, нежную кожу. Горячее дыхание склонившегося мужчины обжигает щеку.

Дорвав сорочку до талии, он вдруг останавливается.

– Чтобы спустилась на ужин.

– У меня нет одежды... – шепчу одними губами, не надеясь, что услышит.

Но у магистра хороший слух.

– Нарядом поделится баронесса, она все равно в трауре.

И он поспешно уходит. Обессилено опускаюсь на перекладину, вбитую посередине бочки для удобства купающегося.

Почему он отступил? Не откровенный же ужас, который не сумела спрятать, его оттолкнул? "Волкам" Всеотца, дающим временный обет безбрачия, не привыкать насилловать несогласных женщин. Или это своеобразная игра? И он решил отложить экзекуцию до ночи?

Как бы там ни было, Сирский меня не тронул, за что я горячо благодарю провидение.

И все-таки причины его отступления занимают мой ум до самого ужина, который проходит напряженно, несмотря на все старания прекрасной вдовы.

Эрдессе Стелле к лицу траурный серый цвет, как и мне – платье невыразительного болотного цвета, пожалованное от ее щедрот. Когда Ники его принесла, я только обрадовалась – чем некрасивее покажусь Сирскому, тем лучше.

Знаю, правильной ответить на желания храмовника, от которого зависит моя дальнейшая судьба. К тому же он весьма привлекательный мужчина – вон баронесса не успела высадить цветы на могиле супруга, а уже строит ему глазки...

Побывав на костре и чудом уцелев, я не хочу на него возвращаться. Я хочу жить. Очень хочу. И, наверное, я смогу перетерпеть ласки "волка".

Но, к счастью, я нахожу иной выход.

Когда все уснут, я ускользну из замка. Магия только начинает ко мне возвращаться, но на простенькое заклинание отвода глаз сил хватит, ведь для своих стражников покойный барон расщедрился только на плохонькие защитные амулеты. И я точно сумею отвлечь их внимание. Значит, проблем со спуском в подземелье возникнуть не должно. А уж там я знаю, куда идти. Возле пыточной есть ниша с тайным ходом, ведущим к реке. О нем поведал сын барона, когда детьми играли в храмовников и темных магов. Единственный отпрыск Хадиуса от первого брака, он обещал вырасти хорошим человеком. К сожалению, Безымянная – быстрая река, а паренек плохо плавал...

В самый глухой час ночи я поднимаюсь с кровати. Замок спит. В приоткрытое окно слышны крики сычей, облюбовавших дозорную башню. Тревожно, муторно на душе.

Губы привычно шепчут слово-ключ заклинания, руки дрожат, когда открывают дверь...

– Госпоже целительнице не спится? – с издевкой в голосе спрашивает Бьорн. – Или холодно? Так я с удовольствием погрею тебя, красавица! Только позови!

Я не зову. И под его хохот заскакиваю обратно в спальню.

Побег откладывается.

Даже у рядовых воинов "волчьего" ордена есть мощные амулеты против вредоносных и отводящих глаза чар – с полупустым резервом мне с ними не тягаться. Утром магия возвратится полностью, и я что-нибудь придумаю.

Ну а пока... пока остается только набираться сил. Их главный источник остался в прошлом. Поэтому воспоминания – главное богатство, что у меня есть, помимо жизни.

И я мысленно возвращаюсь в самую счастливую ночь, которую однажды подарили небеса.

Глава 2

За шаг до края

Где-то далеко-далеко воет волк. Пение полевых сверчков заполняет воздух. Легкий ветерок колышет травы вокруг нас, а звезды весело подмигивают с черного бархата небес.

Витар целует меня нежно и трепетно, словно все еще не веря, что мы здесь – посреди разнотравья дальнего луга. Одни.

– Ива... Моя Ива...

Кажется, его полный восхищения шепот заполняет весь мир, звуча со всех сторон света.

– Еще не твоя, – игриво поддеваю парня. – Своей назовешь, если поведешь в храм.

Я уже знаю: он ревнив до безумия. Его лицо бледнеет от гнева всякий раз, когда замечает взгляды мужчин, обращенные на меня. И подобный отклик мне льстит и немного пугает. Каким он станет мужем, когда получим благословение слугителя Всеотца? Успокоится? Или его ревность потеряет всякое чувство меры?

Витар сильнее прижимает к себе и горячечно шепчет:

– Не дразни меня, Ив! Ты ведь знаешь, я бы давно произнес клятву пред ликом Всеотца, если бы не правила.

– Знаю, – улыбаюсь легко и счастливо.

Мой любимый, может, и страшный ревнивец, но надежный, как скала. Рядом с ним я чувствую себя защищенной. И ни с кем другим не пошла бы гулять на ночь глядя на дальние луга. От них к мертвоземью рукой подать, и заброшенный замок темного чародея четко просматривается, невзирая на дымку заклатья. Да и запах маков, растущих вокруг очага магической заразы, доносит на своих крыльях ветер. Тонкий, свежий аромат сложно описать, ближе всего, пожалуй, запах скошенной молодой травы.

Самое удивительное, что маки, кольцом охватившие развалины, пахнут только для нас с Витаром. Я спрашивала у многих, чтобы убедиться в этом.

Загадочные цветы... Их любят и боятся. Парни охотно носят охапки на праздники в храм и в подарок своим девушкам. Одно время, когда из мертвоземья твари выползали чаще, добывшие пламенеющий мак считались храбрецами. Притом очень везучими – из десяти смельчаков возвращались шесть-семь.

Мне нравятся красивые, ярко-красные цветы с нежными лепестками. И не только потому, что на них можно гадать, чтобы узнать силу любви своего избранника. И не потому, что из их сока травницы готовят облегчающее боль зелье. Просто потому, что они прекрасны. Я понимаю, что как и остальные, должна испытывать трепет, ведь маки – знак входа в мертвоземье, граница, обозначающая начало смертельной опасности. Но ничего с собой поделат не могу – для меня они в первую очередь дивные растения.

– Звездочка, о чем задумалась? О завтрашнем Дне Выбора?

– Нет. О цветах, – признаюсь смущенно жениху.

– М-м-м, девушки... Вы думаете о тленном на пороге важного свершения.

– Ах, а некто брюзжит, как старый проповедник Всеотца! – фыркаю в ответ.

– Правда, Ив, о чем ты думаешь? Разве не о том, как пройдет Выбор?

Витар осторожно вытаскивает свою руку у меня из-под головы и приподнимается на локте. Я продолжаю смотреть на звезды – все равно в темноте красивое лицо моего суженого видно расплывчато.

– Почему я должна об этом думать?

– Разве ты не боишься?

Я улыбаюсь: Вита иногда одолевают неоправданно мрачные мысли, а так он вполне веселый парень.

Он старше на два года, но так уж вышло, что проверку на наличие магического дара будем проходить вместе. В первый свой День Выбора он не успел вернуться из столицы, куда ездил вместе с отцом. Во второй провалился в горячке, потому что медикус барона плохо обработал его рану, полученную во время тренировки.

– Нет, любимый, я знаю, что все будет хорошо. Мы пройдем проверку артефактом, получим свой знак и тотчас отправимся к слуге Всеотца. Если ты, конечно, не передумаешь взять меня в жены.

– Иванна! – восклицает Витар. Он называет меня полным именем только в те моменты, когда сердится. – Я не передумаю, а вот ты, похоже, мечтаешь о ком-то другом!

– С чего ты взял? – удивляюсь искренне.

– Ты сомневаешься, что поженимся.

– Поверь, мне нужен только ты, любимый.

Я тянусь к нему, чтобы поцеловать в нос, но хитрый парень подставляет губы. И мы надолго забываем о нашем разговоре. И только когда начинаем тяжело дышать, останавливаемся.

Мы еще не poznали друг друга – ждем благословения священнослужителя. Но каждый раз, оставаясь вдвоем, делаем очередной шаг к краю бездны. Бездны нежности и страсти. Что мне понравится, не догадываюсь, знаю точно. Витар сводит с ума одними прикосновениями и поцелуями, разве не должно привести в восторг и все остальное?

От шаловливых мыслей отвлекает грустный вопрос:

– А буду я тебе нужен, если окажусь темным чародеем?

Ох, снова! Самый смелый парень из всех, кого знаю, недаром его берут в дружину барона, а боится традиционного действа? Напомнило, как к травнице на днях приходил за зельем воин, который не раз ходил на медведя с одним ножом, но при этом он долго колебался, прежде чем сделать первый глоток незнакомого лекарства.

– В твоём роду не было магов, правильно? А вот в моем, кто знает? – вздыхаю тяжело – подкидышам приходится нелегко даже в такой мелочи, как обычный ритуал. – Скорее это я – неиницированная ведьма.

– Точно ведьма, – соглашается Витар с довольным смешком, – меня-то ты околдовала.

– Нет, я серьезно. Представь, завтра в тебе раскроют потенциал боевого мага, и Орден волков Всеотца заберет в свою школу, а я... Я окажусь приспешницей Проклятого. Что тогда?

Он ласково касается моего лица, медленно очерчивая губы. Затем его пальцы скользят на мою шею, гладят плечи... И я затаиваю дыхание. Подождать до похода в храм – его идея, ведь так было у его родителей. А вот я, распушенная особа, давно сгораю от желания стать его.

– Что тогда? Хм... – он делает вид, что задумывается, а потом выдает неожиданное: – Тогда, подкидывая дровишки в твой костер, я закричу: "Гори, любимая, гори!"

– Дурак!

Выскользнув из его объятий и быстро вскочив на ноги, я несусь прочь.

– Ив! Я пошутил, Ива! Стой!

Витар не сразу бросается вдогонку – ждет, наверное, что одумаюсь сама.

Поэтому успеваю добежать до края луга, туда, где шумит река. Темная, холодная и быстрая со странным названием Безымьяная. За ней начиналось маковое поле и горе наших земель – развалины замка темного мага, одного из Круга Двенадцати. Спустя две сотни лет он продолжает отравлять существование людей – в руинах находится "оконце" в мир Проклятого, где живет кроважидная нечисть.

– Ты не в ту сторону бежишь, Ива!

Витар хватается за руку и дергает на себя. Мы падаем. Я сверху.

– Дурак... – шепчу, задыхаясь от обиды.

– Знаю... прости...

Осыпая поцелуями мое лицо и шею, суженый увлекается. Но я не останавливаю, даже когда его рука проникает под подол платья и устремляется вверх по бедру.

Слова "гори, любимая, гори" открывают глаза. Внезапно я остро осознаю, что не могу с уверенностью смотреть в будущее. Что ждет завтра? Как пройдет Выбор? Нет-нет, я не верю, что в ком-то из нас дремлет дар! Откуда ему взяться?! Но и уверенности, что все пройдет хорошо, больше нет. Вдруг я так и не узнаю, каково быть любимой желанным мужчиной?

Нет, я не хочу больше ждать...

Избавившись от последних капель смущения, показываю, как мне хорошо, когда огрубевшие от меча ладони жениха ласкают, слегка царапая, гладкую кожу. Показываю стоном, поцелуем, смелостью в ответном исследовании его тела. Такого горячего, твердого тела... Мышцы приятно перекачиваются под ладонями, будя странные порывы.

– Я еще немного поцелую тебя и остановлюсь, – шепчет Вит, переворачивая меня на спину. – Остановлюсь, обещаю...

Его дыхание щекошет шею, бросает в жар.

– Да, обязательно, – лукавлю, уже точно зная, что не позволю ему отступить.

И мне ни капельки не стыдно. Только не сейчас, когда он так целует.

Поцелуи сладки, как соблазн, кружат голову, как молодое вино. Руки моего мужчины знают мое тело, наверное, лучше меня самой.

Витар гладит, стискивает, целует, прикусывает... И я таю, таю, словно мед на солнцепеке.

В какой-то момент понимаю, что мы без одежды. Когда разделись, не помню. Лежа на сочной траве, я дрожу не от холода, от нетерпения. Тело пылает жаром и сильнее всего там, куда без стыда устремляется рука суженого.

Я выгибаюсь от волны острого удовольствия, которая тягуче-медленно поднимается от развилки бедер. Но мне уже мало, как и мало одних только рук там...

И я прошу Вита:

– Пожалуйста... пожалуйста...

И он, наконец, внемлет мольбам – накрывает своим жестким телом.

Кожа к коже... Я пью его дыхание в поцелуе. Пальцы любимого продолжают дарить ласку.

– Пожалуйста...

Соединение наших тел резкое и болезненное до слез.

– Ива, – хрипло шепчет Вит. – Я люблю тебя...

Он двигается медленно, позволяя привыкнуть к новым ощущениям. И вскоре боль отступает. В самом низу живота зажигается маленькое солнце. И я, прислушиваясь к необычным ощущениям, двигаюсь ему навстречу, поднимая бедра.

Стон Витара вторит моему. И светило внутри вспыхивает, сжигая меня всю без остатка.

Кожа к коже... Рука в руке... Сердца бьются в унисон...

Ночь с посланным небесами суженым – самое прекрасное, что может быть в жизни.

– Прости, любимая, мы ведь хотели по-другому, – огорчается тот, кто берег мое целомудрие бдительнее, чем я сама. – После благословения.

– Говори за себя, – улыбаюсь открыто.

– Ива...

– Семнадцать лет уже Ива.

Он качает головой, а затем целует так, что забываю не только про возраст, но и как меня зовут.

Ночь под звездным небом, на ложе из ароматных трав, – мое лучшее воспоминание в жизни. Самое чистое и нежное. Светлый кусочек счастья. И я жалею только об одном, что не сбила Витара с пути истинного раньше.

На следующий день артефакт указывает на меня, как на потенциальную целительницу.

Не передать словами, как я пугаюсь тогда! До трясущихся рук и отнимающихся ног! До черноты перед глазами и полуборморока...

И вряд ли кто в силах представить силу огорчения травницы Анны, подобравшей меня семнадцать лет назад у порога своего дома. Бедная женщина думала, что растила себе приемницу, дочку, которая позаботится о ней, когда придет старость. А теперь со мной придется расстаться: артефакт обнаружил дар, значит, я должна его развить – таков закон. И именно поэтому храмовники имеют право увезти меня в столичную школу, организованную гильдией целителей...

Не дожидаясь конца обряда, к нам с Анной подходит бородатый мужчина. Он представляется Матфеем и предлагает мне стать его ученицей. Целители часто путешествуют вместе с отрядом "волков", выискивающих одаренных и возможную скверну среди подрастающей паствы Всеотца.

Судьба преподносит сносный вариант: можно не расставаться с приемной матерью. Но я не слушаю бородача – все внимание принадлежит группке подростков и молодых людей, среди которых все еще находится мой жених.

Хмурый Витар подходит к проверяющему предпоследним. Заскучавший "волк" Всеотца касается амулетом его лба – и камень сверкает черным!

– Пожиратель! – охает храмовник и хватается за меч.

– Нет! – Мой крик тонет под ладонью целителя.

– Угомонись! Не привлекай внимания! – шипит он, когда мои зубы впиваются ему в руку. – Пожирателей не убивают! Выпей, чтобы успокоиться – тебе понадобится смелость для разговора с предводителем поискового отряда.

Он протягивает флягу с резко пахнущей жидкостью.

– Ива, милая, выпей, – со слезами на глазах просит моя добрая мама Анна.

– Успокойся, девочка, и поверь в то, что все будет хорошо, – хмуро советует целитель. – Вера – маяк для будущего, во что веришь, то и притягиваешь.

На тот момент я не знаю, что такое маяк, в Пантилии морей нет. Но я подчиняюсь, прислушавшись к уверенным увещаниям спевшейся парочки – целителя и травницы. И начинаю истово верить, что у нас с Витаром есть надежда. Я поручусь за любимого – и он отделается сдерживающим дар амулетом.

Зря поверила, глупая...

Я засыпаю, сморенная сонным зельем, подсунутым бородачом. И храмовники забирают моего жениха с собой. Учиться. Пожиратели, хоть и отмечены Проклятым, но приносят пользу во славу Всеотца. Пьющего чужую магию можно сравнить с созданным великим мастером мечом, который может поразить невинного, а может и защитить. Все зависти от того, в чьи руки он попадает.

Проснувшись и узнав, что Витар в столице, я собираюсь последовать за ним. Но Матфей вцепляется не хуже клеща. Я кричу, царапаюсь, кусаюсь, обвиняя во всем негодая, лишившего меня любимого. Но, увы, он оказывается сильнее.

– Тихо! Да послушай ты меня, глупая девка! Его все равно бы забрали! Потому что пожиратели весьма редки в последние годы!

– Тогда я поехала бы вместе с ними! Смогла бы жить неподалеку от храма! Или вообще прислуживать в нем!

– О да! Тебя бы тоже забрали, но только не прислугой. И жениха ты все равно не смогла бы видеть.

Я замираю, недоверчиво глядя на бородача.

– Почему?..

– Потому что целители долго не живут при храме – их дар растрчивается быстро на омоложение и продление жизни магистров. – Гнев так и брызжет из мужчины. – Или ты думала, что к тебе будет особое отношение?!

Увы, в тот день я ничего не думала. Я просто хотела вернуть суженого. Моего любимого, единственного, самого лучшего в мире мужчину.

Не слыша его голоса, не видя его, я умирала. Умирала без Витара, выла от тоски и горя.

Я бесчисленное число раз пыталась сбежать в столицу, но опекающие меня Анна и Матфей, были начеку. Борясь за меня против меня самой же, они нашли общий язык, и вскоре мужчина переехал к нам. Получилось, что травница не только не потеряла приемную дочь, но и приобрела мужа...

А я... я прожила, как в тумане почти год. Затем пришли безразличие и безнадега. Только урокам, которые давал целитель, удавалось меня расшевелить, а поначалу я даже не осознавала, что забыла умыться или поесть. И Анне приходилось вновь заботиться обо мне, как о маленькой.

Шло время. Вкус к жизни понемногу возвращался, но в основном я интересовалась только своим призванием – исцелением людей.

Увидев, что я успокоилась, Матфей стал брать с собой в столицу. Да только вместо того, чтобы при виде храмовников сжиматься от страха, как все жители Пантилии, я вовсю на них глазела. Как только не угодила в беду? Не знаю, наверное, хранило небо и бдительный учитель.

"Волки" Всеотца даже снились мне. Где-то среди них находился мой суженый. Самый лучший, самый родной, самый любимый мужчина в мире – Витар.

Ночь перед Выбором принесла счастье, а день, когда он состоялся, – смерть надеждам.

Глава 3

Горько-сладкий

Бессонная ночь выдалась не только у целительницы, спасенной от сожжения, но и у хозяйки замка.

Эрдесса Стелла Хадиус, урожденная Клирк, выросла в знатном, но бедном семействе, чьей главной заботой было блюсти внешнее приличие. За фасадом благополучия и фальшивой позолотой благопристойности скрывалось постепенное обнищание некогда блистательного рода, давшего миру не одного мага и военачальника. Поколение за поколением Клирк теряли дар, влияние, деньги. И только страсть к азартным играм усиливалась.

Отец Стеллы превзошел всех своих предков – однажды он поставил на кон свою дочь. И проиграл.

Стелла не раз и не два благодарила Всеотца, что он подарил ей красивое лицо и роскошное тело. Иначе барон Хадиус после совместно проведенной ночи в счет долга ни за что не женился бы на ней. А так девушка, хорошо усвоившая наставления матери быть послушной, ласковой и ни в коем случае не плакать, понравилась старику, и тот предложил войти в его замок законной женой.

Каждый раз, когда страдающий отдышкой и ветрами супруг приходил к ней в спальню, она пользовалась проверенным средством – и близость не казалась такой уж отвратительной. Стелла представляла, какое закажет портнихе платье. Его фасон, материал, цвет, отделку... Обычно, когда доходила до украшений, уместных к новому наряду, барон, упоенно сопя, с нее скатывался.

И, если бы не маленькая слабость мужа, Стелла не решилась бы отправить его к праотцам. Но, увы, она у него была.

Барон Хадиус любил избивать женщин. Его глаза загорались восторгом, когда на белой, розовой или смуглой коже расцветали красные, набухающие кровью линии. Розга или плеть – неважно. Барон умело управлялся обеими.

Когда он играл со служанками или поселянками, отданными в услужение за долги своих семей, Стелла молчала. Жалко ли ей было юных девушек, когда их чуть живых выносили из подполья? Нет, конечно. Разве ее кто-то пожалел, когда отец подкладывал под старика, чтобы не оплачивать свой проигрыш? Нет. Так почему она должна сочувствовать другим?

Но вот, спустя два года супружеской жизни, барон в ней разочаровался. Он ждал наследника, а его все не было, хотя он частенько посещал молодую жену. И вот тогда Стелла узнала, что розги жалят, а плеть оставляет шрамы.

Баронесса долго намекала местной целительнице Иванне о своей нужде. Но глупенькая деревенщина все не понимала. Пришлось действовать самой. Внимательно выслушивая ее занудные рассказы о травах, умело направляя в нужное русло разговор, она прознала о горюч-листе. Выведав, как выглядит, где хранится, выкрала щепотку из запасов растяпы. Дальше дело оставалось за малым. Подсыпать мужу в вино в день, когда Иванна проводывала заболевшего слугу и по просьбе барона осталась на обед.

Супруг промучился ночь и часть дня, прежде чем испустил дух. А когда медикусы диагностировали отравление, безутешная вдова во всеуслышание припомнила злобные взгляды, которые бросала целительница на владельца Заречного края.

Само собой, горюч-лист в доме Цветовой обнаружился. А как иначе? Стелла не жадничала, взяла только одну порцию для любимого муженька...

Если бы не появление Марка Сирского во главе отряда "волков" Всеотца, вдова замела бы следы. А так магистр почти докопался до правды, оправдав такую удобную подозреваемую.

Избавившись от ненавистного супруга, Стелла могла потерять, если не жизнь, то свободу. Аристократок, обвиненных в убийстве мужей, ссылали в обители невест Всеотца, а имущество, если не было наследников, уходило в казну ордена.

Но шанс договориться есть всегда. У баронессы имелось, что предложить магистру. Золото. Древний амулет. Она сама...

Вдова, захватив первое и второе (третье всегда было при ней!), отправилась к лучшим гостевым комнатам, отведенным Сирскому.

Храмовник, охранявший покой предводителя, пропустил ее, не спрашивая разрешения магистра, поэтому Стелла поняла, что ее прихода ждали. И уверенная в своих силах женщина впервые почувствовала холодок страха. Что если храмовника ничто не заинтересует? Что если он окажется неумолимым поборником правды, как о нем рассказывают? Неподкупным, строгим и жестоким?

Чародей восседал на самом обычном стуле, как на троне. Расслабленный, он походил на опасного хищника, который в обманчивом состоянии покоя поджидает беспечную добычу.

– Прошу вас, баронесса, присаживайтесь, – разрешил магистр милостиво, словно именно он являлся в замке хозяином.

– Ваше святейшество, простите, что поздно, но я не могла не придти.

Взгляд божьего воина лениво прошелся по ее стройному телу. Пышному телу, затянутому в траурное серое платье с декольте, ставшим огромным после того, как грустная портниха поспешно споролла с него дорогое кружево.

– Приятно удивлен вашим визитом, эрдесса Стелла.

Ага, как же, удивлен он! Женщина скривила губы в милой, как она надеялась, улыбке.

– Ваше святейшество, надеюсь, вы выслушаете меня. – Она потупилась, замялась, пожалев, что разучилась краснеть. Точнее ее отучил барон. – У меня просьба деликатного характера.

– Слушаю вас, баронесса.

В голосе "волка" ей почудилась усмешка. Подняла голову – так и есть. Он ухмылялся.

А хорош гад!.. Черноволосый, с поразительно яркими синими глазами на породистом лице. Высокий, поджарый, с пропорционально сложенным телом. Белая рубашка, расстегнутая почти до низа, демонстрировала широкую грудь и плоский живот. Ровные ноги обтягивали коричневые штаны из мягкой, отличного качества замши. Притягательный, сильный хищник с мускулистым, твердым даже на вид телом...

Во рту пересохло. Восхищение, которого давно не испытывала по отношению к мужчинам, вспыхнуло и тотчас потухло. Она пришла не любоваться, а спасти свою жизнь.

– Убитая горем я совершила страшную ошибку...

Стелла заплакала. По-настоящему. Дрожа от страха, ждала от Сирского малейшего проявления сочувствия. Но нет, он смотрел на нее со скучающим, пожалуй, даже брезгливым видом.

– Все мы порой совершаем их. Главное, вовремя покаяться пред Всеотцом.

Он возвел очи горе.

– Ах, ошибка страшная, ваше святейшество! В своем страдании я не стала разбираться и поспешила наказать ту, что желала смерти моему безвременно почившему, нежно любимому мужу. – Женщина вытерла скупые слезы ладонью. – Благодаря вам вижу, что поспешила с выводами – барона не отравили, он умер, как и говаривал один из медикусов, от несварения желудка...

– Несварения желудка? – боевой маг ухмыльнулся. – Если не хотите последовать за супругом, гоните этого медикуса прочь, баронесса!

– Вы думаете? – Испуганная Стелла облизала пересохшие губы.

– Обещаю, вскоре вы узнаете, из-за чего умер ваш благоверный.

Сердце вдовы замерло, пропуская удар. Ей не нужно узнавать причину! Она ей известна, Проклятый его заberi!

Позволив слезинке сбежать по аристократично бледной щеке, она прошептала:

– Я могу и не пережить нового разбирательства. Это так больно – по-новому искать виновных.

– Виновные должны понести наказания, – насмешливо произнес магистр.

– Да, конечно... Хотя Всеотец повелел прощать наших обидчиков.

Губы Стеллы дрожали, но она не подозревала, что выдает себя с головой и все еще пыталась отвести беду.

– А еще Всеотец наказал карать нечестивых, карать огнем и сталью. А отравление горюч-листом того, кто некогда служил королю верой и правдой, – поступок угодный Проклятому. А все его приспешники должны сгореть на костре или быть повешенными. Но вам ведь нечего бояться, не так ли, баронесса?

Он играл с ней! О Всеотец! Он с самого начала знал, что она виновна – и забавлялся, как кот с мышкой...

– С чего бы? Я уважала супруга, он был великим человеком.

О да, был. В молодости, в очень далекие времена. Барон проявил себя в последней войне с соседней державой и даже удостоился за мужество и отвагу награды от короля.

Безумие и жажда чужой крови пришли много позже, когда он потерял все, что ценил больше жизни: жену, заболевшую серой марью, сына, утонувшего в реке неподалеку от мертво-земья. Родные люди оказались той уздой, что сдерживала его одержимость, и когда она порва-лась, Хадиус превратился в монстра.

– Великим, но нелюбимым? – на губах Сирского играла злая усмешка, а глаза оставались холодными.

Глаза волка, подготовившегося атаковать приглянувшуюся жертву. Волка, жаждущего сомкнуть зубы на холке своей добычи, почувствовать горячую кровь...

Женщина отмахнулась от диких мыслей о сидящем напротив мужчине. "Волки" Всеотца не превращались в животных, но часто оказывались более жестокими, чем они.

Весь разговор ей казалось, что она падает. Летит в пропасть... Страх наказания страшнее самой кары. И Стелла решила играть открыто.

– Ваше святейшество, я не хочу ворошить прошлое. Раз целительница не виновата, что ж, значит, супруг съел что-то не то.

Храмовник поднялся со стула. Она последовала его примеру, не желая, чтобы воин воз-вышался над ней опасной машиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.